

30 АПР 1983

Сегодня — 100 лет со дня рождения выдающегося чешского писателя Ярослава Гашека

I.

МЕНЯ зовут Виктор Кадер-жабек, мне 63 года, у меня лавка на рокицанской площади. С 1882 года я председатель нашего союза ветеранов милостью божией. Дети у меня множились и радовали меня. В союзе мы крепко ладили, поскольку все помнили Боснию и Герцоговину, а один дедок, которого мы приносили в трактир, помнил и Кустоцу и папашу Радецкого. Городской магистрат и церковное управление издавна нам помогали, а мы им за то платили большим парадом на всех торжествах, какие проводились в городе. Особенно хорошо это проходило в праздник божьего тела, когда из городской пивоварни нам попадало восемнадцать бидонов пива для подбодрения. Оно ведь не так легко зыркать под небесами в летнем пару, и сколько раз от жары мы высовывали там языки. И потом только тогда наставало истинное освещение, когда мы, старые воины, усядемся вокруг восемнадцати бидонов пива и поведем разговор о том, как мы некогда спасали Австрию. И в эти минуты дружбы было нам так сладко на сердце, и никто из нас не ожидал, что настанет минута, когда придется бороться за самое для нас дорогое, за наши общественные выступления. Но за счастьем ветеранским идет несчастье, как и за счастьем воинским.

В январе 1912 года пришло в Рокицаны известие, что наш ветеранский союз должен быть распущен. Гай! Тут мы, которые помнили Боснию и Герцоговину, и тот дедок от Кустоцы, мы, которые носили божье тело и получали восемнадцать бидонов пива, мы провели достопамятный бунт. Мы показали, что не покинем это государство, хотя бы ценой собственной жизни.

II.

ПЕРВОЕ известие о неслыханном нападении на наши права дошло до нас в момент, когда мы этого меньше всего ждали. Наш знаменосец Мергаут забил поросенка в честь нашего нового знамени и устроил в своем трактире «Под солнцем» поросячий праздник. Когда на стол подали колбасы, он обратился к нам с речью, напомнил о старой воинской славе, как мы рубили в Боснии и Герцогине турок, и окончил вдохновенно: «Порубим же эти колбасы, как некогда — турок!» — и прострелил из мелкокалиберного пистолета самое красивое свое блюдо. Потом подали кровавую колбасу, и наш старый дедок прошамкал вдохновенно дрожащим голосом, что мы делали и из итальянцев кровавую колбасу, и нам нечего бояться. Так мы и не боялись и когда принесли буженину, и я сказал о нашем важном положении в Австрии и поддал поросячке уху матке знамени госпоже Вихове с пожеланием, чтобы она воспитала новое сильное и здоровое ветеранское поколение. Наступило общее питье и обмен то-стами, как вдруг дверь растворилась, и перед нами появился в праздничном мундире и с ружьем за спиной наш наилучший приятель и член союза, господин почтмейстер Котятко.

Бледный, он сел и тихим голосом заказал себе бутылку коньяку. Мы думали, он сду-

Замечательный сатирик, автор знаменитого романа о бра-вом солдате Швейке и множества других произведений Яро-слав Гашек прожил, к сожалению, короткую [1883—1923 гг.], но яркую, плодотворную творческую жизнь.

Активно участвуя в национально-освободительной и соци-альной борьбе своего народа с монархическим буржу-азным режимом Австро-Венгрии, в состав которой входила Чехия, Гашек во время первой мировой войны нашел для себя самый достойный путь. Мобилизованный в 1915 году, он вскоре сознательно сдался в плен, и в России, одуше-вленный идеями Октября, стал большевиком, военачальником, поднялся до положения комиссара высшего ранга.

При его передовом мировоззрении он еще в довоенное время проявляет при изображении некоторых явлений изумительную историческую прозорливость, примером ко-торой служит публикуемый рассказ, впервые переведенный на русский язык.

В изображении осмеянного Гашеком несостоявшегося бун-та ветеранов-реакционеров явно проглядывают черты бу-дущего фашизма. И это в то время, когда даже этого ита-льянского слова не было в широком употреблении. Социаль-ное положение ветеранов такое же, как у фашистов, — мелкобуржуазное. Они связаны с аппаратом буржуазного государства. Ветераны с благоговением относятся к своему позорному прошлому, когда в 1878 году в составе австрий-ской армии они подавляли национально-освободительное движение своих одноплеменников — славян, босняков и гер-цоговинцев, только что освободившихся от турецкого ига, чтобы сменить его на австрийское. И похваляются подав-лением при Кустоце итальянской революции 1848 года, восхищаясь душеителем и палачом ее Радецким.

Гашек комически подчеркивает ничтожество заговорщи-ков. Тогда подобные им еще не были так опасны, как ста-ли впоследствии. Но особенно поразительно, что он разгля-дел это явление еще в зародыше, когда такие организации пока не использовал монополистический капитал для беспощадного подавления развивавшегося движения революци-онного пролетариата.

Ярослав ГАШЕК

Как взбунтовались в 1912 году ветераны в Рокицанах Из воспоминаний ветерана

рился с перепою, но, выпив половину бутылки, он поднял-ся и глубоко растроганным голосом попросил замолчать.

И в установившейся тишине провозгласил: «Друзья! Толь-ко что получена из Праги «Правда» официальная газе-та», в которой стоит это, да, это...» Вынул из кармана и прочитал: «Телеграмма, Прави-тельство предполагает в бли-жайшее время ликвидировать все ветеранские союзы, не со-ответствующие представи-ям о воинских достоинствах».

Мы все встали, и тут он, встав у стола, вытащил из-под шинели старую заржав-ленную саблю и, махая ею, воскликнул: «Нет, мы этого не потерпим». И, схватив ближай-ший стакан, закричал: «Мы... нет... прошу... извольте... осу-шить до дна!»

III.

И Мы как взбесились. Я встал, вытер губы (позже, в серьезные моменты, я не соблюдал эти пустые фор-мальности) и проговорил, сказав кулак: «Дорогие друзья! То, что мы услышали от на-шего друга, почтмейстера Ко-тятко, — поразительно, по-скольку дошло до нас как раз в день наибольшего праздни-ка самопожертвования за наш союз, когда дорогой знамени-сец Мергаут в честь нашего нового знамени забил поро-сенка. И в этот день беспри-

мерного воодушевления на-шей идеей слышим из уст на-шего друга почтмейстера, что нам уже не понадобится это знамя, что нас отринули, нас, старых воjak, нас, старую наполеоновскую гвардию, ко-торая уже в битве при Ватер-лоо сказала тем, кто ее окру-жил: мы не сдаемся! И мы не смеем сдаваться! Мы пока-жем, что остаемся еще теми старыми ландскнехтами, ко-торые спасали Австрию, и мы докажем, что с нами в таких обстоятельствах должны счита-ться, и мы заставим, чтобы с нами считались! Спокойно это воспримем и потом будем решать!»

Так мы доели поросенка и после третьего гектолита пи-ва провозгласили диктатуру в Рокицанах и окрестностях.

IV.

Мы ПОРЕШИЛИ, что завтра осадим ратушу и церков-ный собор. Он — тоже в рату-ше. Что пойдём полностью вооруженные и в мундирах. Что будем служить в саду пи-воаров походную мессу, и потом будет любоваться пиво-варская прислуга, как пле-ненный капеллан освещает наше оружие, что десять на-ших мужей овладеют ключа-ми от подвала и захватят фи-нансистов в канцелярии. От-

туда потянем на телеграф и почту, которые осадим, не-смотря на фиктивные протес-ты господина почтмейстера, который в конце концов воскликнет: «Знаю, что ваше дело справедливое, возьмите меня с собой!» Девушку-эк-спедиторшу, которая всегда ссорилась с господином почтмейстером, запре-м в туа-лете и перережем телефонную и телеграфную проводку на Клатов, Слану, Лоун, Хомутов и Прагу.

Потом, усиленные отделени-ем из Храсты (5 членов), вве-дем в городе террор.

Овладеем складом динами-та фирмы Шарейс и Крал, владельцев каменоломни, и возьмем в плен господина уездного начальника, которого арестуем у бурмистра в спальне. Писаря из магистрата заключим в карцер, разру-жив двух городских полицей-ских. Третий же и начальник полиции — наши члены и пойдут с нами. Одновреме-но установим военное поло-жение, скорый суд, летучие военные суды на автомобиле купца Шматы, который нам никогда не симпатизировал.

Прибьем на всех обществен-ных зданиях этот проскрипци-онный список:

Когоут Ян, купец с Водной улицы; Карел Ванек, торговец водкой (Сланская улица); Ри-херд Краус, продажа вин и ликеров (Королевская пло-щадь); Камил Штейн, мясник и колбасник.

Что касается жандармерии, то следует объяснить депута-ции жандармского управле-ния, что жандармы должны идти с нами, что речь идет только о военной диктатуре, в которой должны участвовать все лица, состоящие в какой-либо воинской организации.

Из городского музея конф-искуем гаубицу, и мельник Газда должен дать в запряж-ку к ней двух лошадей. Гауби-ца будет постоянно сопровож-дать сформированное войско. Все это мы решили, и было уже пять часов утра, когда мы разошлись по домам, заметно пошатываясь.

V.

УТРОМ никто из нас не пришел к магистрату, во-обще не появился на улице, поскольку у каждого из нас, членов военной диктатуры, распух рот, как рокицанская каланча, и просто по тем со-ображениям, что дома у каж-дого из нас было по достой-ной доброй жене, которая его избивала, как собаку, когда он в таком революционном со-стоянии пришел после пяти часов утра домой.

Только matka знамени, вдово-ва, госпожа Вихова, которая участвовала в нашем обсужде-нии о государственном пере-вороте и пила во время сове-щания тминную водку, утром ходила вокруг магистрата с длинной кочергой и кофейни-цей (мы обещали, что она буд-ет нашей маркитанткой) и выкрикивала в магистрат: «Вы-лезайте вон, конец вашей власти. Теперь начнется тер-рор». Два полицейских не знали, что с ней делать, пока не осилили и не отвезли в карцер. Так окончился наш освободительный бунт воен-ных ветеранов.

[Опубликовано в жур-нале «Карикатуры» 27 февраля 1912 г.].

Перевод с чешского и комментарий доктора филологиче-ских наук, профессора Калининского государственного уни-верситета Н. ЕЛАНСКОГО.